

16+

КНИГА ВТОРАЯ. ПЕШКОМ. ПАМИРСКИЙ ТРАКТ

АННА СМОЛИНА

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «ЭТО ФАКТ»

НОМИНАЦИЯ: «КНИГА-БЛОГ»

А чего дома сидеть?

Анна Смолина

**А чего дома сидеть? Книга
вторая. Пешком. Памирский тракт**

«Автор»

2020

Смолина А.

А чего дома сидеть? Книга вторая. Пешком. Памирский тракт /
А. Смолина — «Автор», 2020 — (А чего дома сидеть?)

ISBN 978-5-4465-3452-4

Продолжение истории девушки Анны, которая в 2017 году взбудоражила мир путешественников неординарным поступком — отправилась в одиночный поход по России на полгода. Где на сотый день своего пути встретила будущего мужа, такого же одинокого путешественника. Анна и Валерий объединились, но во время первой зимовки их отношения потерпели крах. Не в силах пережить предательство партнера, Анна решается на очередной авантюрный поход в одиночку, выстраивая новый маршрут вдоль границы с Афганистаном. Но за несколько дней до старта молодой человек все-таки догоняет ее. Вместе они проходят пешком горные кряжи Памира, выживая без воды и деля по крупицам остатки еды. События разворачиваются в 2018 году на Памирском тракте. За месяц до этого Анна издала свою первую книгу «А чего дома сидеть? Вольный поход. Книга первая». В 2023 году эта книга была экранизирована, выход в большой прокат состоялся 8 марта в виде художественного фильма под названием "Поехавшая".

ISBN 978-5-4465-3452-4

© Смолина А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Никто еще не заблудился, следуя своему внутреннему голосу.	5
Примечание от автора	6
Пролог	7
Часть первая: «Брошу все. Отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси»	10
День первый	10
День второй	12
Дни третий – пятый	13
День шестой	14
День седьмой	16
День восьмой	17
День девятый	20
День десятый	23
Дни одиннадцатый	26
Дни тринадцатый – четырнадцатый	30
Дни пятнадцатый – девятнадцатый. Гульча	32
День двадцатый	34
Часть вторая: Таджикистан	37
День двадцать первый	37
Дни двадцать второй – двадцать третий. Мургаб	46
День двадцать четвертый	50
День двадцать пятый	52
День двадцать шестой	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Смолина
А чего дома сидеть? Книга
вторая. Пешком. Памирский тракт

**Никто еще не заблудился, следуя
своему внутреннему голосу.**

Генри Д. Торо, американский писатель-отшельник

Посвящается моему мужу и всему памирскому народу

Примечание от автора

Эта книга – продолжение истории, которая началась в 2017 году, когда я отправилась в одиночный поход по России на полгода, прихватив с собой только верного друга – таксу Капу и необходимые вещи для выживания. Главным событием того странствия стало то, что во время скитаний я встретила своего будущего мужа – путешественника Валеру. Взаимная симпатия и сам эффект встречи двух одиночных велосипедных путешественников сделали свое дело, мы объединились и продолжили путь вместе.

При написании этой книги я, как и прежде, использовала записи из своего блога в интернете и личного походного дневника. Встречи или события, которые не оказывали решающего влияния на развитие истории, я опускала. В интересах безопасности и приватности я изменила некоторые имена и названия населенных пунктов, но по большей части они сохранены. Все фотографии сделаны на телефон.

Пролог

Знаете, есть такие люди, которых пошлешь куда подальше, а они возвращаются оттуда загорелые и с магнитиками. Про них еще с юмором говорят, что таких людей во времена Союза по приказу партии сразу рожали космонавтами. А потом, когда Союз распался, космонавты остались и нарожали стране таких же детей-космонавтов. Вот они теперь и тренируют свою суперспособность к выживанию на Марсе: носят тяжелые рюкзаки, ботинки со злым протектором и три дня лезут в какую-нибудь глушь, гремя котелками для еды и сбивая ноги в кровь. Сидят потом у костра, потягивают травяной чай и с придыханием приговаривают: «Красота-то какая, лепота». Забавное соображение, согласитесь, в этом что-то есть?!

Меня зовут Аня, и мои родители не были «космонавтами», но мама очень часто нам с братьями устраивала походы одного дня. Совсем скромными их не назовешь, иногда за день мы проходили более двадцати километров, здорово уставали и первым делом, возвращаясь домой, не падали в постель, а осматривали одежду, снимали с себя гроздья клещей и по очереди шли принимать ванну. Если поход был урожайным, то потом садились за стол чистить грибы и перебирать ягоды. Моя мама любит природу, думаю, что такими походами она нас закаляла.

Но в детстве их было слишком много, ощущалось перенасыщение. И когда я стала подростком и уже могла выбирать сама, я предпочитала в них больше не ходить. Была рада, что они исчезли из моей жизни. Но со временем я переехала в столицу, иногда с друзьями мы выбирались на природу в Подмоскovie и устраивали пикники. В глубь леса никогда не уходили и тем более не оставались в нем на ночь. А когда мне перевалило за тридцать, жизнь сама подтолкнула к путешествиям.

Когда я устраивалась на новую работу в хостинговую компанию, еще на собеседовании мы с будущими руководителями обсудили, что я неусидчивая, а должность креативная, нужно вдохновение. Буду долго сидеть в офисе – зачахну! При этом позиция не требует моего фактического присутствия в стенах организации. Встречи можно проводить онлайн, а управлять задачами и проектами – при помощи специальных сервисов. В те годы в России еще не было такой повсеместной практики – отпускать сотрудников на удаленную работу, но ко мне прислушались.

После месяца сидения в офисе мне одобрили пробный забег: я купила билеты в Юго-Восточную Азию и отправилась примерять на себя роль первого сотрудника на удаленке. Осматривала достопримечательности, изучала местную кухню и на ходу вела офисные дела прямо с телефона. Это был мой пионерский прорыв, и я не подвела. Вернувшись, просидела в офисе еще один месяц, а потом состоялся неприятный разговор с начальством. Нам довольно часто приходилось задерживаться на работе допоздна, сверхурочные не оплачивались, мои знания Трудового кодекса подсказывали, что так быть не должно, и я прямо обозначила свое недовольство.

Руководитель компании пригласил меня на разговор, и мы сошлись на том, что либо я прекращаю устраивать маленькую революцию, либо пишу заявление об уходе. Я выбрала заявление, но на следующий день начальник снова позвал меня в кабинет и предложил подумать.

– Ты все время канючишь: «Хочу работать удаленно, не могу сидеть в офисе». Ты ценный специалист, мы уважаем тебя за нетривиальный подход и умение защитить идею. Забери заявление, пожалуйста, и оставайся работать удаленно, с сохранением оклада и прочими привилегиями.

Это было моей личной победой. Медлить я не стала, уладила дела и отправилась в одиночное путешествие по миру на несколько месяцев. Посетила шесть стран, путешествовала с комфортом: отели, самолеты, шопинг, массаж, ресторанный еда. А спустя три месяца вернулась в Москву абсолютно другим человеком. И когда распробовала дух свободы, его уже было не

отнять. Следующие несколько лет работала удаленно, совмещая карьеру с путешествиями. А в 2016 году зачем-то снова вернулась в Москву и вышла в офис. Продержалась ровно год и за это время отчетливо поняла, что такая жизнь мне больше не подходит.

В психологии есть такой термин – «высокочувствительные люди». ВЧЛ – это психологическая и нейробиологическая категория людей, которая, если кратко, определяется по чувствительности к окружающему миру. Имеет значение все: обстановка вокруг, цвет, запах, тактильные ощущения, с какой интонацией разговаривают люди, как смотрят, что говорят, мощнейшая аналитика процессов. Одним словом, ВЧЛ легко может сойти с ума, если окружающая среда становится для него токсичной. Пакуй тогда рюкзак и беги, ведь твоя личность под гнетом разрушается прямо сейчас.

И в один миг я просто созрела, взяла свой велосипед, прихватила специальный прицеп, в котором разместила любимую собаку, палатку со спальником, и отправилась в долгое странствие. Было волнительно и страшно одной, особенно ночевать в палатке в лесу. В соцсетях мне писали жуткие вещи, что я не уеду дальше соседнего города. Люди смеялись и называли меня круглой душой. Кто-то из пользователей даже присылал угрозы встретить меня на трассе и проучить. Оказалось, что мой поступок многих задел.

Но на сотый день пути я встретила Валеру, мы полюбили друг друга, объединились и продолжили кочевать вместе еще несколько месяцев, предварительно скорректировав маршрут в сторону Востока. С появлением Валеры все мои страхи ушли, в соцсетях меня тоже оставили в покое, и следующие три месяца были по-настоящему счастливыми. Но когда наступили холода и мы застряли в Монголии на полтора месяца из-за визовых вопросов с Китаем, нам пришлось остановиться.

На время холодов мы уехали в Беларусь, в отчий дом Валеры. И эта вынужденная остановка на зиму стала для нас серьезной проверкой. Мы стали отдаляться. Мне кажется, что мы неосознанно обвиняли друг друга в случившемся: взглядами, не до конца произнесенными фразами, отстраненностью. Как будто из нас кто-то и вправду был виноват. Чтобы не сходить с ума от безделья, Валера устроился сборщиком на местное мебельное производство. Сначала просто пропадал целыми днями на работе, а потом мы вообще перестали видеться, у него начались командировки по стране.

Я тоже взялась за работу: вела несколько удаленных SMM-проектов и параллельно села писать свою первую книгу, погрузилась в дела с головой. В итоге во время зимовки мы разошлись, причиной тому стали Валерины измены в командировках. Узнав о них, я словно влетела в стену со всей силы, меня оглушило. Ужасное чувство предательства и разочарования, будто меня лишили достоинства. За один день я собрала вещи и с разбитым сердцем вернулась обратно в Москву, где дописала свою первую книгу о необычном походе и о том, как я встретила прекрасного мужчину Валеру.

Немного было похоже на мазохизм, но свое дело я знала. Издала книгу, которую еще на этапе печати заметила российская кинокомпания и выкупила у меня права на ее экранизацию. Я провела презентацию и сразу же построила маршрут для нового похода. Место выбрала необычное, его называют крышей мира – горный Памир (Таджикистан), куда мне хотелось скорее уехать и забыться.

Пока я завершала текущие дела и готовилась к новой аванюре, узнала, что Валера намеревается приехать на презентацию моей книги в Москву, и мы разговорились:

- Раз так, приезжай сразу с рюкзаком и зацепи все необходимое для похода, – сказала я.
- Я понял! – ответил Валера.

У него было всего несколько дней, чтобы подать заявление на работе, подготовить снаряжение и примчаться ко мне.

В те дни мы много разговаривали о случившемся: может ли быть счастливая жизнь после измены, получатся ли крепкие доверительные отношения? Сошлись на том, что в принципе

мы столкнулись с довольно распространенным этапом между мужчиной и женщиной. И, возможно, даже хорошо, что все это произошло именно сейчас, пока мы еще думали, насколько действительно нужны друг другу. Решили, что новый маршрут станет для нас проверкой – окончательно разведет в стороны или укрепит.

Валера приехал в день презентации, на его ноге появилась новая татуировка – девочка на велосипеде с прицепом, в котором едет такса. Это был рисунок с обложки моей первой книги, в которой мы встретились и полюбили друг друга. А еще несколько дней спустя мы отправились в дорогу.

Часть первая: «Брошу все. Отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси»

День первый

Десятого мая 2018 года мы сели в самолет до Киргизии, город Ош. Оттуда начинается наш новый маршрут, в котором мы планируем раствориться, сойти с ума и пропасть без вести. Последнее, конечно, абсурд, метафора, когда хочется на время исчезнуть из шумного мира и погрузиться в пустоту, послушать себя и свое сердце. Еще Есенин писал: «Брошу все. Отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси...» Я думаю, что любому человеку иногда очень хочется все бросить и убежать куда глаза глядят.

Посадка началась с того, что нашу старенькую таксу Капу не пустили в салон самолета: она не прошла из-за высоты клетки, превышение нормы было всего в несколько сантиметров. Уговоры, что на прошлом рейсе этой же авиакомпании нас без проблем впустили в салон, не помогли. Переноску с четырнадцатилетней собакой пришлось сдать в багажный отсек.

Мы прошли в самолет и наблюдали из окна, как под нашим крылом выгружают багаж: разноцветные чемоданы, обмотанные пленкой, сумки с бирками, а вот и два наших рюкзака. Последней появилась клетка с нашей таксой, и мое сердце замерло. Никогда не знала, как животных грузят в самолет. Я выжидающе смотрела в окно, что будет происходить дальше. Вот, наконец, на транспортер отправили наши рюкзаки, осталась только клетка. Грузчик взял ее в руки и сам понес в багажный отсек. Полет длился всего четыре часа, но я с трудом находила себе место. За время зимовки сноровку потеряли не только мы с Валерой, но и наша такса. Шесть месяцев – достаточный срок, чтобы утратить походные навыки, я уже не была уверена, как прежде, что Капе в багажном отсеке будет достаточно безопасно.

В салоне было душно и многолюдно.

– Вы тоже летите в Кыргызстан? – к нам вдруг обратился киргизский мальчик лет семи.

– Да-а-а, – ответили мы.

– Как такое может быть? Вы же русские! – не мог он скрыть своего удивления.

Так началось наше путешествие в светское государство Центральной Азии, куда, по предположению киргизского мальчика, не летают славянские народы.

Когда самолет приземлился и все пассажиры выстроились в очередь у паспортного контроля, в толпе началось волнение. Оказалось, что это бегали сотрудники аэропорта и выкрикивали мое имя: «Анна Смолина, мы ищем Анну Смолину. Пассажир Анна Смолина, пожалуйста, откликнитесь!» Когда я отозвалась, ко мне подошли люди с вопросом: «Это вы везете “груз 200”?»

Невозможно передать словами, что происходит внутри в такие секунды. Оцепенение, эмоциональная кома. Ты говоришь: нет-нет, это ошибка, я везу в клетке собаку. Но работники настаивали, что в багажном отсеке прилетел труп.

Спустя время мне принесли клетку, внутри сидела Капа и, хлопая глазами, выжидающе смотрела на меня: «Открывай, ма, чего застыла?!» Я и правда застыла и чуть не грохнулась в обморок. С Капой было все хорошо, а работники аэропорта действительно ничего не знали про собаку, потому что в грузовом отсеке вместе с ней летел «груз 200». И только он значился в их документах.

Ничего себе начало, присвистнули мы, на часах было десять утра, прошедшую ночь мы провели в полете и слоняясь по аэропортам. Мы не спали уже больше суток и слабо понимали, что сейчас происходит. Поймали такси и отправились отдыхать в забронированный номер гостевого дома.

День второй

После полета мы рухнули в номере на кровать и проспали до семи вечера. В обед должны были отправиться в туристическое агентство для оформления пермита (специальное разрешение для посещения горных районов) в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО), но мы не проснулись. А теперь еще в связи с наступившими выходными вынужденно расслабились. Выдохнули, сходили на базар за дополнительной одеждой. Хозяйка гостевого дома предостерегала нас, что на Памире в это время еще лежит снег и мы собрались туда слишком рано. Необходимо было утепляться. Кроме того, у нее были связи с турагентствами, и благодаря им, несмотря на вечер пятницы, нам удалось договориться о получении пермита на понедельник.

Дни третий – пятый

В понедельник вечером, получив пермит, мы разложили свои вещи по комнате и обсудили, кто какой груз понесет. При моем весе в пятьдесят пять килограммов я могу нести на себе постоянно не более двенадцати с половиной. Формула этого расчета проста: человек может нести в походе не более 20–25 % от массы своего тела без последствий. Еще, конечно, играет роль местность – пересеченка или равнина. В горах ноша будет ощущаться тяжелее и со временем придет накопительный эффект усталости, когда спустя первые пару недель мышцы задеревенеют и идти будет совсем тяжело, рюкзак в такой момент захочется выкинуть. Расчет груза необходимо делать осознанно и не геройствовать. Иначе потом выкинуть захочется не только рюкзак, но и себя вместе с ним.

Мы с Валерой решили, что я несу спальники и одежду. Не считая рюкзака за спиной (11 килограммов), спереди ко мне будет крепиться специальный слинг для продолжительного ношения детей. Его мы купили для нашей Капы (9,5 килограмма), я понимала, что старушке уже не по силам долгие маршруты, поэтому довольно часто ее придется нести на себе. Вместе с Капой и рюкзаком вес, который я грузила на себя, был выше допустимого, но Валера и так забрал все самое тяжелое. Мы не решились ничем пожертвовать и немного пренебрегли формулой. Всегда же кажется, что ты способен на большее.

За дни ожидания пермита температура воздуха за окном упала с +35 до +14 °С. Завтра мы отправляемся в дорогу, и нас сразу же ждет восхождение на высоту 3615 метров над уровнем моря (н. у. м.). Разумеется, не за один день. Валера переживает, что на этом отрезке пути не будет кишлаков, случись что, спрятаться или попросить помощи будет не у кого. «Случись что» – это он имеет в виду меня, условия в горах для женщин слишком суровые. Автомобильного трафика, говорят, до границы сейчас тоже нет. Ребята (наши соседи по гостевому домику), которые вчера вернулись оттуда на внедорожнике, сказали, что за целый день встретили всего одну машину.

Но наша зимовка и так была слишком длинной, я больше не могла сидеть в ожидании и уверяла Валеру, что это как раз то, что нужно: лишения и испытания, погружение в другую реальность и тишину нового мира. Пусть подоблачные ледяные перевалы станут не только нашими спутниками на ближайшие месяцы, но и моими докторами.

День шестой

Пишу из палатки, наконец-то! Валера уже спит, Капа тоже, шагомер показал двадцать четыре тысячи шагов и пройденные сорок один километр пути, но он врет из-за неверной настройки. На самом деле мы прошли всего пятнадцать километров и первые несколько часов часто останавливались. Настраивали стропы на рюкзаках, игрались с центром тяжести, перераспределяли его то на плечи, то на поясницу, искали комфортные параметры. Для нас это первый опыт с рюкзаками, и мы оба принципиально не любим тщательно готовиться. Нравится познавать все тонкости уже в пути, начиная от нового снаряжения и заканчивая местами, которые мы увидим по маршруту. Так остается эффект новизны и неожиданности, который черпашь в процессе полученного опыта.

Пройдя первые километры, мы подключили к ходьбе специальные трекинговые палки. Валера, когда их достал, моментально ускорился, рассказывая, что это как третья нога – разгружает мышцы и упрощает ходьбу. Я, глядя на него, тоже включилась, достала свои палки, и нас уже было не остановить.

Капу несли в слинге по очереди, иногда она шла сама, но надолго ее не хватало, ей, как и нам, еще предстоит расхотиться. Когда Капу несла я, у меня здорово пережимало грудную клетку. Идти так было тяжело и непривычно, даже разговаривать сложно. Но есть и хорошие новости – официально мы уже на Памирском тракте. На ночь остановились на сопке, у всей деревни на виду. Места лучше найти не смогли, вблизи города все застроено. Спрятаться от чужих глаз некуда.

Когда стемнело, подошла местная женщина, не поленилась взобраться к нам на склон, неся в руках термос с горячим чаем, пакет с лепешкой, рафинадом и пиалой. Сказала, чтобы мы не тревожились, завтра утром сын сам подойдет и заберет термос, когда поведет на выпас баранов. Мы прибалдели: Средняя Азия славится своим хлебосольством, здешние народы чтут культ гостеприимства. Ведь по старым обычаям гость воспринимается божьим посланником. Местные верят, что вместе с гостем в дом приходит благодать, отсюда соответствующее отношение и большое желание помочь. Правда, в современном мире этот обычай заметно деформировался и подобное отношение к гостям демонстрируют уже не все, но еще очень многие обыватели.

День седьмой

Утро началось с криков детворы, на этот раз уже из другого дома к нам отправили детишек со свежим хлебом и пряниками. Не успели мы позавтракать и собраться в дорогу, как на улице зарядил ливень. Идти под дождем нет смысла: промокнем в два счета, угробим здоровье и далеко все равно не уйдем. Мы остались пережидать в палатке. Дождь не прекращался много часов, но, несмотря на непогоду, местные дети не оставляли нас без внимания, снова принесли термос с горячим чаем. Позже мы увидели, как к нам по склону взбирается мужчина. Сказал, что его зовут Алтынбек, и добавил, что на улице очень холодно, поэтому он приглашает нас к себе в дом, у него есть свободная комната. Мы обрадовались, но отказались, потому что под дождем не сможем собраться – все мгновенно намокнет, спальники и наша одежда. Непонятно, как потом сушиться, а без сухих вещей мы не выживем.

Алтынбек ушел, а ему на смену пришел пожилой мужчина Казбек, житель другого дома. И принялся еще усерднее зазывать нас к себе, хотя бы просто погреться и переждать непогоду. Еще утром, когда не было дождя, я сидела в тишине на склоне, чистила зубы и видела, из скольких дворов и окон за нами наблюдают. Казалось, вся деревня сейчас нам сопереживает. Вчера в нашем блоге в соцсетях даже кто-то написал в комментариях, мол, местные думают, что мы беженцы, вот и пытаются помочь. Это забавно!

Перед поездкой я изучала традиции здешних народов и уже знала, что отказывать тут не принято, это их обижает. Мы с Валерой стали собираться. Пока упаковывали рюкзаки, конечно же, мгновенно вымокли. Палатку с мелочами оставили на склоне, ушли в дом к Казбеку, и там, сидя под крышей, я много часов наблюдала, как наше тряпичное жилище окончательно промокает под дождем.

В доме у Казбека первым делом развесили спальники и мокрую одежду. С наслаждением сняли с себя мокрые кроссовки, достали трекинговые ботинки и специальные плотные носки под них – другое дело, *жизнь налаживается!* Дождь к вечеру закончился, стоял туман, и мы вернулись на склон собрать палатку. За ужином Казбек и его семья рассказали, что в Киргизии сейчас сезон дождей, и раз мы собрались в такую дорогу, то нам необходимо подумать о дождевиках.

– Завтра утром первым делом отвезу вас на базар, без плащей не отпущу, – сказал Казбек и, подумав, добавил: – Если снова попадете в непонятную ситуацию, не надо стесняться, сразу идите к людям. Будь то дождь или что-то еще, вам никто не откажет, помогут, здесь так принято.

А еще Казбек порекомендовал нам купить оружие, потому что люди в пути будут попадаться разные, но больше риска все-таки нарваться на волков, которые точно не пощадят.

День восьмой

Утром хозяева дома устроили для меня душ: водоснабжения в поселке нет, Милан – жена Казбека нагрела два ведра воды и слила их в бочку летнего душа. Я не успела предупредить, что из ковшика и ведра у меня получится лучше и экономнее. А в летнем душе сразу все пошло не так. Сначала отскочил распылитель и вода бесконтрольно полилась впустую. Кое-как я приделала его обратно, помыла голову, а когда намылила тело, вода закончилась совсем. Стою раздетая на улице, в мыле и кричу через двор хозяевам. Милан принесла еще одно ведро воды, на этот раз ледяной. Восемь утра, холодина, небо серое, я в чем мать родила, стучу зубами и принимаю ледяной душ, *но как же мне это нравится!*

После водных процедур Казбек повез нас на базар. Пришлось немного побегать, выбор дождевиков был невелик: одноразовые из тонкого полиэтилена или внушительные плащи ОЗК (общевоинской защитный комплект) весом в полтора килограмма. Валера вертел ОЗК в руках и раздумывал: дополнительный вес не входит в наши планы, но преимущества перед одноразовыми дождевиками очевидны. ОЗК – вечный, покрывает тело в пол, стоит копейки, с ним никакой ветер и осадки не страшны, он действительно отработает как надо. А когда сезон дождей закончится, от него будет не жалко избавиться. Мы залезли в них и посмотрели на себя со стороны – не то сектанты, не то работяги радиационной службы. Достаточно колоритно, чтобы нас это впечатлило. В итоге мы сделали выбор в пользу боевой мощи СССР и потяжелели еще на полтора килограмма каждый.

До обеда снова лил дождь, небо было свинцовым, мы сидели на улице с хозяевами дома, рюкзаками и наготове. Пили чай, делали совместные фотографии и менялись номерами телефонов. Казбек просил чаще звонить. Когда прошла очередная большая туча, мы были уже в плащах – надо привыкать, сколько можно оттягивать. И пошли. Прощаясь с киргизской семьей, мы ломали голову, как отблагодарить этих людей. Еще утром мы принесли из магазина полный пакет мороженого. Хозяйка Милан (переводится как «нежная», Казбек шутя говорит: «Неправильное имя ей дали, нужно было “коброй” назвать», – и улыбается, видно, что по-доброму) приняла пакет неохотно, но потом сдалась, все-таки полный дом детей, мороженое им в радость. А сейчас, когда прощались, пожимали друг другу руки, я двумя ладонями обняла ладонь Казбека и слегка прижала их к своему лицу со словами благодарности. В ладони хозяйки мы вложили немного денег, Казбек стал сопротивляться, но я сделала настойчивый жест, показывая рукой, что это не обсуждается. Казбек принял благодарность, и на душе стало легче.

Чуть позже читатели нашего блога подсказали, что мы поступили правильно: считается хорошим тоном, когда гость в ответ оставляет благодарность. Она необязательно должна быть денежная, но обозначиться чем-то необходимо всенепременно.

Мы шли под дождем и чем дальше уходили, тем яснее становилась погода. К вечеру тучи исчезли совсем и даже показалось солнце. Мы растянули палатку у заброшенного домика и первым делом принялись за ужин. Варили рыбный суп из консервированной сайры. Обедались миндалем, фисташками и финиками, все очень вкусное и невероятно дешевое в этих краях. В восемь вечера уже легли. Я, наверное, впервые в жизни не стала перед сном выходить в социальные сети, смотреть сообщения и вопросы, которые нам задают. Впереди нас ждут места с плохим интернетом, мы неделями будем без связи, и к этому нужно привыкать уже сейчас. Телефон был отложен в сторону. И когда я так поступила, ясно осознала: все, что мне действительно нужно, у меня уже есть, и оно прямо сейчас со мной, рядом. Мы играли в игру с ассоциациями про нас двоих, пока хватало сил, а потом, крепко обнявшись, уснули. Прекрасное и наше личное время, когда есть только мы, наша общая дорога, и все мысли теперь только об этом.

В полночь пришел уличный пес, он без устали ругался на нашу палатку, а мы в какой-то момент подскочили, пытаясь понять, что происходит, но потом махнули рукой и легли спать дальше. Пес хоть и не видел нас под тентом, но будто бы все понял и через минуту самоустранился. Наш лагерь снова погрузился в сон. А заброшенное здание, у которого мы его разбили, оказалось бывшим постом районной ветеринарной милиции.

День девятый

Приезжая в Среднюю Азию, главное, пожалуй, сразу включиться в особенности разговорной речи, тогда это принесет большое удовольствие и здорово поднимет настроение.

– Какой это сорт собаки? – уточняют породу местные, глядя на нашу Капу.

– Первый, – отшучиваемся мы и смеясь добавляем, – оригинал!

«Оригинал» – это излюбленное слово в здешних краях, особенно широко оно распространено в сфере торговли. Продавец считает нужным заверить покупателя, что его товар лучшего качества. При этом на прилавке могут лежать обычные фрукты или сомнительная реплика какого-нибудь известного бренда. Нам понравилось, как здесь используют это слово, и мы довольно быстро его переняли в свою речь, что-то вроде птичьего языка, который теперь используем друг с другом.

Наряду с этим в нашем словаре появилось еще одно слово – «окончательно». Многие города, которые будут встречаться по нашему маршруту, еще со времен Великого шелкового пути были вовлечены в торговые отношения, а базар по-прежнему остается одним из главных институтов общества. Когда местный продавец называет тебе стоимость, он ожидает, что ты будешь торговаться. Но, чтобы снизить твои амбиции, вместе с ценой продавец добавит слово «окончательно». Буквально это значит, что названная цена уже со скидкой и снижать ее еще больше торговец не настроен. Но на самом деле это просто психологический трюк и торговаться можно, например:

– Сколько стоит эта сумка?

– Семьсот сом (национальная валюта Киргизии), окончательно.

– Эй, ака (ака – обращение к старшему мужчине, признак почтения), давай за 650 окончательно?

– Хорошо, вы гости, для вас за шестьсот восемьдесят сом уступлю окончательно, – продолжает торговаться продавец.

Мы это тоже используем, но только в своем контексте. Например, когда засыпаем ночью, я могу спросить: «Ты уже спишь?» Валера отвечает: «Ага». А я ради смеха уточняю: «Окончательно?» И мы лежим и хихикаем, пытаемся дальше заснуть.

Кроме занимательных словечек, сложно не обратить внимание на то, что в Киргизии очень много грузовичков «Хендай Портер». Они выполняют роль основного рабочего транспорта. В них часто перевозят скот. Способов заработать у киргизского народа немного, и самый востребованный, конечно же, скотоводство. Многие держат коров, баранов, лошадей. Но мало просто иметь скот – для его выпаса еще потребуется арендовать землю, ведь свободный выпас «где захочу» запрещен законом. Земля распродается на сопках, в соседних городах и селах. Где арендовал, там и будешь пасти. Если купил недалеко от дома, тогда скот на ночь возвращают в сарай. А если арендовал землю в соседней области, тогда выпас доверяют чабану, и ночевку для скота он организывает уже на месте. А если есть необходимость транспортировать животных, тогда для этого используют «Портер». Коровы, лошади и бараны – такие же привычные участники движения на дорогах.

Мы бодро и без остановок прошли первые 5 километров, погода для передвижения идеальная. Легкое, чуть теплое солнце и прохладный ветерок.

К концу дня у меня загудели ноги, и я начала хромать. О себе дало знать ахиллово сухожилие. Валера рассказал, что у него так было в велосипедном путешествии по Европе, тогда одну его ногу раздуло настолько, что не было видно косточек на щиколотке. Ахиллово сухожилие в основном травмируется у спортсменов, при высоких нагрузках и при перенапряжении икроножных мышц. Единственный способ его лечения в незапущенных стадиях – длительный физический покой.

Я расстроилась, мысли о длительном и вынужденном отдыхе меня угнетали. Когда наступили сумерки, мы оставили позади очередную деревню и встали за ней на ночь у русла реки. Мимо нас прошли молодые киргизы со спиннингами, у одного в руках был пневматический пистолет. «Кого будете стрелять?» – поинтересовался Валера во время приветствия. Парни промычали и показали куда-то в сторону. Я предпочла не думать об этом, и мы погрузились в хлопоты. Сегодня мы были уже на высоте 1673 метра н. у. м., что на 688 метров выше, чем при старте.

Наша Капа впервые была так высоко, но, несмотря на свой возраст и онкологию, она, как и любая другая собака, не волнуется о месте, в котором находится. А предпочитает просто быть рядом с хозяином, тоску по которому в случае разлуки переносит гораздо тяжелее.

День десятый

Утром мы обнаружили небольшую катастрофу – я проснулась с припухшими ногами. Валера снова предупредил, что дальше будет только хуже, если я не займусь этим вопросом. Но я опять отмахнулась и предложила пройтись хотя бы немного. Сейчас на участке нас ждет сразу несколько деревень подряд, и мы не пропадем.

Уже в первый час пути мы дошли до следующего населенного пункта, где в крайнем доме из двора нам кричал пожилой мужчина. Он махал рукой, чтобы мы заходили. Первым делом киргиз схватил кувшин на пороге дома, налил в него воды и предложил нам омыть руки, а следом и лицо. Такие кувшины стоят у каждого жилища, иногда их видно даже у магазинов. Следом мужчина окрикнул хозяйку дома, то была его невестка, и она встретила нас уже за накрытым столом. Чай, мед, шоколадные конфеты, лепешки, кумыс. Оказалось, что пожилой мужчина видел нас заранее – проезжал мимо, когда мы еще только подходили к деревне.

За чаепитием киргиз рассказал нам про свой народ, о том, что почти все семьи у них многодетные. И когда у пожилого хозяина дома по 28 внуков и уже подрастают правнуки – это совершенно нормальная история. Все дети помогают по хозяйству. Девочки хлопчут по дому и кухне, а мальчики задействованы на выпасе и тяжелой работе. Например, подняться на склон в мерзкую погоду, пригласить туристов из палатки в дом или помочь им донести тяжелые рюкзаки. Или взять тачку с большим алюминиевым бидоном и натаскать в дом воды. Выгнать скот и пасти его целый день, какая бы погода при этом ни стояла. Работы здесь хватает.

А вот гостям в этих краях не разрешено помогать хозяевам, это порицается. Я иногда стараюсь помочь накрыть на стол или после трапезы предлагаю помыть посуду. И не сразу поняла, что так делать нельзя. Решила спросить об этом напрямую. Венера рассказала, что гости должны отдыхать, помогать не принято: «А вот если вы у нас останетесь больше чем на три дня, тогда вы будете уже не гости. И в таком случае ваша помощь должна быть обязательной, наравне со всеми, кто живет в доме».

В этой семье на краю деревни нас очень тепло приняли, не хотели отпускать и предложили остаться на ночь. Но мы, немного отдохнув с дороги, поблагодарили добрых людей и все-таки отправились дальше в путь.

Правда, далеко уйти не смогли, я косолапила от боли, а мои сухожилия неприятно хрустели. Мерзкий звук, словно внутри рвется ткань, ты слышишь их треск, представляя себе катастрофу, которая может из этого получиться.

Пока высматривали место для лагеря, нас догнала огромная туча и зарядила стеной дождя. Когда так поливает, собрать палатку, организовать внутри спальные места и ничего при этом не намочить – ювелирная работа. Времени на слова нет, вы с партнером страхуете друг друга и в считанные минуты обеспечиваете себе крышу над головой. В этом нам очень помог плащ ОЗК, какая все же незаменимая вещь для похода в такие моменты! С ужином мы тоже не стали мудрить: вскипятили воду на горелке внутри палатки, заварили чай и подкрепились сухпайком.

После ужина я осмотрела ноги, они болезненно гудели. А еще позже у себя в соцсетях прочла сообщение от врача-травматолога, он рассказывал, что сухожилия в отличие от мышц нельзя специально подготовить к нагрузке. И что тяжелый рюкзак за плечами может сделать из человека с травмированными сухожилиями инвалида. Необходимо от него отказаться или просто остановиться на длительный отдых от двух недель. Я с горечью смотрела через вентиляционное окно палатки на улицу и думала о том, что только в кино герои идут свободно к своей цели, сметая все на пути. В жизни это происходит иначе. Угрюмая неуверенность в завтрашнем дне, как и в продолжении этого маршрута, окончательно портила мое настроение. Но о том, чтобы намеренно навредить себе, тоже не могло быть и речи. Мы заползли в спальные, Валера с Капой быстро уснули, а я, почти не моргая, смотрела в потолок палатки и размышляла, смогу ли я принять конец похода, который так и не успел начаться. Как будто еще с момента, когда мы только сели в самолет, начались препятствия.

В походной жизни очень остро начинаешь ощущать сигналы, которые отправляет тебе вселенная. Если их все время игнорировать, то эти сигналы становятся очевиднее, когда ситуация обостряется настолько, что ты уже не можешь не обратить на это внимание. Это похоже на поведение человека, который хочет что-то сказать. Сначала осторожно и еле уловимо, потом напористо и прямо. И вот он уже кричит, срывая голос, если ты до этого его не замечал.

Монотонный стук дождя о палатку и мои мысли стали утихать, я провалилась в сон.

Дни одиннадцатый

– двенадцатый

Наутро я не смогла встать на ноги. Валера и слушать больше не стал: хватит, говорит, спорить, сама ты дальше не пойдешь. И понес меня на руках.

Вчера у нас не было выбора, мы разбили лагерь там, где нас поймал дождь – практически посреди свалки. Мусор в Киргизии принято выкидывать вдоль дорог, с обрывов. Утром, когда мы поняли, что я не смогу идти, приняли решение отдохнуть хотя бы два дня. Не завтракав, Валера собрался в ближайший населенный пункт за «лекарствами». Нам нужен был маленький пузырек водки и кочан капусты, чтобы делать мне компрессы. На обратном пути он высматривал место посимпатичнее и, когда вернулся, не стал ничего слушать, закинул меня к себе на плечи и понес. Потом сделал еще два захода – забрать рюкзаки, и мы устроились на новом месте, куда мусор еще не добрался.

Когда Валера ездил в деревню за «лекарствами», он протестировал местный автостоп. Все дни, что мы шли, рядом с нами постоянно притормаживали машины, предлагали подвезти. По предложениям было понятно, что кто-то хочет заработать, а кто-то зазывал от души, просто пообщаться и отвезти за так, но мы все время отказывались. А сегодня, пользуясь случаем, Валера решил все-таки проехаться. Пока шел и выставял руку, машины охотно останавливались. Мужик, который занимается развозом мороженого, притормозил просто из любопытства, поболтать. Валера рассказал про жену, которая повредила ноги и осталась ждать в лагере. В Средней Азии не понимают, когда узнают, что пара не жената. Статус «встречаемся» или «в отношениях» воспринимается несерьезно. В мусульманском мире глубокие корни в системе ценностей и институт семьи развит слишком хорошо, глупости вроде «встречаемся» для них пустой звук. И первое, что у нас всегда спрашивают: «Вы женаты?». Мы отвечаем утвердительно. Говорят, что в этих странах даже у туристов при заселении в гостиницу просят показать паспорт с подтверждением регистрации брака и, если пара не жената, ее не разместят в одном номере.

Мы с Валерой делали попытку расписаться еще в Монголии в прошлом году. Обращались в российское посольство и тогда впервые узнали, что граждан разных государств не расписывают в третьей стране. Консул тогда порекомендовал нам обратиться в ЗАГС по месту наших прописок. Ну а позже, во время зимовки, до ЗАГСа мы так и не дошли. Теперь понимаем, что, если в будущем хотим путешествовать вместе, этот шаг необходим и по стратегическим соображениям.

Sent: Monday, October 02, 2017 12:16 PM

To: 'ПОСОЛЬСТВО РОССИИ В МОНГОЛИИ'

Subject: RE: Регистрация брака

Добрый день,

Посольство России в Монголии регистрирует браки только между гражданами Российской Федерации. Вы можете зарегистрировать свой брак с гражданином Белоруссии на территории России.

С уважением,

Консульский отдел Посольства России в Монголии

Мужчина на грузовичке дождался, пока Валера вернется из магазина, достал по мороженому и передал жене с пожеланиями, чтобы поправлялась как можно скорее.

На новом месте мы не стали доставать горелку, в небольшом овраге у русла реки собралось полным-полно сухих веток, поэкономим газ, которого здесь днем с огнем... да и на костре вкус у еды совсем другой. Импровизацию с плитой сделали близко к палатке, чтобы я ползком добиралась сама. Плащ ОЗК снова пригодился, накинули его на палатку, защищая тент от искр костра.

Два дня мы делали компрессы для моих ног, прогревали и фиксировали голеностоп эластичными бинтами. С собой в дорогу еще из дома взяли вьетнамскую разогревающую мазь, словно знали, что пригодится.

Из развлечений на месте лагеря не было ничего, и я отрывалась на готовке. Мудрила плов на соевом мясе, макароны с предварительно маринованным в приправах и репчатом луке соевым мясом. Валера стонал от удовольствия, вкусно готовить из ничего я умела всегда.

А на второй день мои ноги перестали гудеть, припухлости тоже заметно отступили. Я хоть и аккуратно, но уже начала передвигаться на небольшие расстояния, прошла вдоль русла реки – пособирать ветки для костра и помыть посуду после обеда. Завтра запланировали отправиться дальше, сидеть на одном месте не было сил. Мы все никак не войдем в нормальный режим. Дожди и теперь мои травмированные ноги не дают нам продуктивно идти вперед. Мысли о том, чтобы завершить поход, я решила отложить и подумать над другими вариантами. Был у нас шуточный разговор еще на старте – сделать так, чтобы наши рюкзаки нес кто-то другой. И теперь эту идею мы обдумывали всерьез.

Дни тринадцатый – четырнадцатый

– Тебе свою жену не жалко? Она еле идет и несет рюкзак больше твоего! – буркнул на Валеру проходящий мимо старик.

С ногами и правда вышло очень жизненно. Встречные спрашивают Валеру, зачем он заставляет идти свою женщину. Мой рюкзак действительно визуально выглядит больше, и если не знать вес, то со стороны кажется, что я, как перегруженный навьюченный ослик, тяну хозяйскую поклажу под прессингом. На самом деле вес поклажи у Валеры был в два раза больше, и в то, что я хочу идти сама, никто не верил. Временами меня это забавляет и я шкодноичаю, жалобно поддакивая прохожим и рассказывая, что он меня принуждает силой. Конечно, делаю это с улыбкой, давая понять, что это шутка. Но легко догадаться, что такой юмор здесь не воспринимается. На Валеру смотрят строго и с осуждением. Но мы при этом обнимаемся, смеемся и целуемся у всех на глазах, и местные, глядя на это, меняются в настроении.

За два предыдущих дня отдыха ногам стало заметно лучше, но стоило снова на себя повесить рюкзак и отправиться в путь, как все стало только хуже. Мы прошли 6 километров, потом, переживая ливень, на несколько часов застряли в магазине. И окончательно поняли, что нам пора с этим что-то делать. Неужели все-таки сворачиваться? Ну, или на худой конец перейти на формат автостопа? Оба варианта нам не нравились. Куда интереснее было бы купить и навьючить осла. Но как это проверить и пропустят ли нас с ним, когда будем проходить границу в Таджикистан? Мы сидели на топчане и обсуждали, что делать дальше.

Несмотря на ливень, в магазине появлялись покупатели. Мальчик не старше шести лет прискакал на лошади, взял две бутылки водки для отца. *Ого*, только и успели переглянуться мы, как следом пешком пришел другой пацаненок. Из промокшей куртки он достал деньги и оплатил два пакетика насвая. Мы за всем этим наблюдали как замороженные, в наших краях такая лавочка долго бы не продержалась, а здесь это обычное дело.

Когда дождь утих, Валера вышел на дорогу голосовать. Первое решение, которое мы приняли: добраться до ближайшего города (31 километр) на попутке и там отправить меня в больницу на УЗИ сухожилий голеностопа.

Дни пятнадцатый – девятнадцатый. Гульча

В Гульче я отправилась в местную больницу, аппарата УЗИ у них нет, но два врача-хирурга по очереди ощупали мои ноги. Разрывов нет, а значит, все поправимо, но сухожилия серьезно воспалены. Хирурги, советуясь, прописали мне постельный режим на четыре дня – просто лежать, прогревать голеностоп и не вставать без нужды. А после восстановления, если не хочу осложнений, придется отказаться от рюкзака. Долгую ходьбу практиковать можно и даже нужно, но без дополнительного веса на себе. И если еще вчера я сильно досадовала на непредвиденную задержку, то теперь поняла, что благодаря ей мы сможем продолжительное время пробыть в небольшом горном селении и понаблюдать за неспешной жизнью его обитателей. Я перестала сопротивляться и окончательно приняла ситуацию: нужен отдых – значит, пусть он будет. В конце концов, еще все лето впереди. И мы на ближайшие дни оформились в гестхаус.

В гостевом доме, кроме нас, жили еще цыгане. Кочевники vs кочевники. Они занимали все остальные комнаты дома, и уже в первый день я обменяла у них пятитысячную рублевую купюру на местную валюту. Валера просил держать ухо востро. Но с деньгами они нас не обманули, обменяли по курсу один к одному, а не как любят делать местные, удерживая комиссию за обмен. Но на этом все прелести совместного проживания закончились.

Было их человек десять: женщины, мужчины, дети, все чернобровые, глаза красивые, но лица тяжелые. И люди они очень шумные. Оксану, самую громкую тетушку, даже пришлось поставить на место. После наведения порядков табор стал заметно тише, и стены гостевого дома больше не тряслись.

Из других развлечений снова ничего не было. Я целыми днями лежала, выбираясь только на готовку обедов и ужинов. Еще пару раз нам удалось провернуть стирку. Машинка в гестхаусе есть, но она не работает, как и многое здесь. Удобства – дыра в бетонном полу в будке на улице. Чтобы не скакать таким длинным путем со второго этажа по мелкой нужде, мы оформили мне горшок из пластикового тазика. Душ тоже есть, но от него больше название. Мы мылись на корточках под краном. Валера верно сравнил эти скромные умывашки с нашими походными из бутылки. Когда он поливает скудной струйкой, чтобы я, например, помыла голову.

Цены в гестах Киргизии не сказать чтобы низкие. В Оше мы платили по 1700 рублей за ночь, но то большой город, второй по величине в стране: центр, стабильный интернет, электричество и удобства в номере. А здесь, в Гульче, на отшибе, платим по 1200 рублей в сутки за одно название. Но днем позже я все-таки сторговалась до тысячи. В номере три одноместных кровати, есть где разгуляться, но мы спим втроем на одной. Я бы предложила разойтись по разным, но Валера и слушать не захотел. С улыбкой вспоминаю истории нашего прошлого лета. Там во время ночевки в мотелях, когда кровати тоже попадались одноместные, мы укладывались на одну, а ночью я не выдерживала тесноты и тихонечко уходила на свободную. Валера с Капой просыпались друг за другом, перебирались ко мне и сонно ворчали, что я их бросила. Теперь я больше не уйду.

В магазинах Гульчи мы с большим удивлением нашли упаковки соевого мяса и сушеной белой спаржи. Поверить было сложно, неужели соя здесь востребована, ведь в стране культ мяса.

День двадцатый

У нас наконец-то появился четкий план, как все устроить. После четырех дней вынужденного отдыха мы заказали такси до границы с Таджикистаном, где планируем сделать переход, а потом на попутках добраться до небольшого города Мургаб. И если нам повезет, мы сможем купить там осла. О том, чтобы его купить в Киргизии, не могло и быть речи, киргизы говорят, что с появлением техники ослы стали не нужны. Люди обленились, теперь за них все делают машины. И потому в Киргизии еще несколько лет назад всех ослов распродали соседям-китайцам на шкуру и мясо. Да и при переходе границы нас никто бы не пропустил без специальных ветеринарных документов. А это значит, что если и покупать осла, то только в Таджикистане. В его горных районах жизнь осталась прежней, там чабаны по сей день пасут скот верхом на ишаках. С их помощью они переносят тяжелые грузы от одного кишлака к другому. И ближайшее место, где есть вероятность приобрести выючное животное, – Мургаб, кишлак Коно-Курган.

От Гульчи до границы с Таджикистаном сто тридцать километров. Таксисты за это расстояние просят от семи до десяти тысяч рублей, потому что дорога плохая и предстоит непростой подъем на перевал Талдык (3615 метров н. у. м.). Это значит, что расход бензина на такую поездку будет выше. Но Валера обошел полгорода и нашел мужика, согласившегося отвезти нас за три тысячи.

У приграничной зоны нас тормознули пограничники, у водителя такси не оказалось разрешения ехать дальше (*жулик, не предупредил*), и нам пришлось высаживаться, не доехав до границы ровно двадцать километров.

Таксист, забрав оплату, умчал обратно, а мы, как неприкаянные, остались ждать чуда под открытым небом. Уже вечерело, погода портилась, кругом снежные вершины. Пограничники сочувственно обозначили, что мы сегодня уже точно не уедем.

– Здесь очень слабый трафик, 5–6 машин в день, и все они проезжают рано утром. В основном фуры едут с грузом из Китая, и не факт, что в водительской кабине найдется место для двоих пассажиров. Вы здесь, ребята, легко можете застрять на неделю – это уж как повезет, готовьтесь морально, – сообщил нам мужчина в форме.

Мы прикусили губу и стали готовиться. Кинули рюкзаки на землю, достали ОЗК и закутались в них поплотнее – здесь уже было значительно холоднее. Температура воздуха продолжала падать, а транспорта на дороге и правда не было. Мы наблюдали, как сотрудник погранзаставы куда-то отправился пешком, окликнули его – узнать, вдруг поблизости есть населенный пункт. Пограничник заулыбался: не, говорит, ребята, здесь вообще ничего нет. У нас на посту не ловит мобильная связь, я отхожу почти на километр, чтобы позвонить жене. Мы разговорились, в голове были разные варианты. Один из возможных – раз у мужчины будет сотовая связь, пусть закажет нам такси, чтобы мы могли добраться до Мургаба. Пограничник сказал, что такая поездка будет стоить как золото, а найти желающего отвезти даже за такие деньги почти нереально. Мы на одной из самых высокогорных дорог в мире, суровые климатические условия, метут бури, и по пути два перевала почти в 5000 метров н. у. м. Туда можно добраться только на личном транспорте или с попутками. Лучше поберегите деньги.

– Темнеет и уже хочется спать, – зевнула я.

– И мне, – в ответ зевнул Валера.

– Давай тогда узнаем, куда можно поставить палатку, и будем ложиться?

Пограничники велели нам отойти недалеко за шлагбаум и поставить палатку в низине, чтобы с дороги нас не было видно.

Пока разбивали лагерь, поднялась снежная буря, к нам шел циклон, а верхушки гор уже засыпало снегом. Подперев по всему периметру края палатки большими булыжниками, мы закутались в спальники и моментально отключились. Но нас разбудили голоса. Валера приоткрыл тент – посмотреть, в чем дело. У палатки стоял дозорный в бушлате и меховой шапке, а за его спиной уже вовсю мело. Сбиваясь от порывов ветра, он кричал, чтобы мы немедленно собирались и шли спать в их вагончик: «Пришла буря, вы замерзнете!» Мы сонно промычали про зимние спальники, теплую одежду и экспедиционную палатку, пусть за нас не волнуются. Солдат пожал плечами: сумасшедшие! – и ушел. А мы еще некоторое время обсуждали, как это по-человечески – пригласить к себе ночевать в вагончик, где гражданским запрещено находиться по определению.

Часть вторая: Таджикистан

День двадцать первый

В пять утра дозорные снова разбудили нас криками: «Пришли фуры из Китая, есть свободные места в кабинах. У вас двадцать минут на сборы, поспешите!» Мы наспех запихали палатку в чехол, за ночь она покрылась ледяной коркой и, угрожающе потрескивая, сопротивлялась. Потом в два счета разобрались с остальными вещами и, пока еще светало, отправились к посту.

Возле КПП стояли две груженные фуры, в них везли стройматериалы для будущей гидроэлектростанции в Мургабе – она должна открыться уже через четыре месяца и обеспечить электроэнергией весь Мургабский район. Оба водителя таджики, с трудом говорят по-русски. Мы просто запрыгнули к одному в кабину и поехали. Не имея ни малейшего понятия, высадят нас через двадцать километров на границе или повезут сразу в Мургаб.

Всего в нескольких километрах от КПП начинается подъем на перевал Кызыл-Арт (высота седловины 4280 метров н. у. м.), дорога грунтовая, в это время под воздействием снега часто размытая. У подножья перевала мы увидели полуразрушенный домик, а возле дороги два бульдозера. Здесь живут дорожные рабочие, которые курируют данный участок, выравнивают и расчищают его, обеспечивая машинам проезд. Фуры не спеша приступили к подъему, на здешних серпантинах и сыпучих породах спешка – это враг. Двадцать километров до границы мы ползли почти два часа. Кругом снег и промерзшая земля, но грунт свежеекатан и видна работа дормастера.

Добравшись до киргизско-таджикской границы, водители тяжелогрузов отправились на досмотр и оформление накладных, а нас после прохождения паспортного контроля пограничники пригласили к себе греться.

Пограничный пункт – это два шлагбаума и два здания-вагончика. Сотрудники в спортивных костюмах – мы даже не сразу поняли, что перед нами представители власти. Внутри служебное помещение представляет из себя комнату с двухъярусной кроватью, печкой-буржуйкой, повидавшей виды скамейкой и двумя столами. На полу стоит канистра с питьевой водой коричневого цвета. Сотрудники только что принесли ее, горную, талую, свежую, но с песком. Закипел чайник, и нас вдруг пригласили к столу пить чай. На столе большой заварочник, несколько хлебных лепешек и тарелка с конфетами.

– Будете ширчай? – протянули они нам такие же огромные, как заварочник, пиалы. Валера не переносит молоко и попросил обычной заварки, а я, несмотря на веганскую диету и отказ от молочной продукции, вдруг согласилась. Ширчай – среднеазиатский суп-чай из молока, заварки, топленого жира (или сливочного масла) и соли. Таким супчаем нас впервые угощали в Монголии в прошлом году. Почти в каждой среднеазиатской семье традиционный завтрак начинается именно с лепешки и этого напитка.

Во время чаепития пограничники расспросили нас о планах. Мы рассказали о предстоящем походе и о том, что едем в Мургаб покупать осла. Попросили рекомендаций.

– Мы думали, вы спросите, где купить хорошую машину, а вы нам про осла... – захохотали они.

Наши планы позабавили солдат, они с восторгом слушали и прикладывали руки к сердцу. Такой жест означает уважение и чистоту намерений. Гоняя чаи за милой беседой, мы расспросили сотрудников, почему они не в форме и с заспанными лицами? Не скрывая своей неловкости, пограничники рассказали, что мы застали их в момент пересменки, когда утренняя вахта только проснулась и еще приступала к приему поста. Одеться в форму просто не успели. А упомянув про суровые условия службы, мужчины рассказали о новом двухэтажном здании. Его построили китайцы, через месяц объект уже будет сдан, для военных это большое событие и наконец-то нормальные условия.

В трехстах метрах от вагончиков и правда стоял аккуратный двухэтажный домик – будущее и надежда на лучшую жизнь для этих людей. На прощание пограничники выдали нам лепешку хлеба и немного конфет. Отпираться было бесполезно, да и неучтиво по здешним традициям. Непочтительно и невежливо. Тепло попрощавшись с дозорными, мы снова отправились в дорогу.

Несколько часов спустя за нашими спинами остались многокилометровые ржавые укрепления бывшей границы СССР с Китаем. Сейчас это тоже граница, но таджики почти не следят за ее содержанием и охраной: погранзаставы заброшены, колючая проволока порвана, и фактически ворота в Поднебесную всегда открыты. Расчет, скорее всего, на то, что труднопроходимые перевалы Сарыкольского хребта, тянущиеся вдоль границы Таджикистана и Китая, – естественная преграда для контрабандистов. Редко когда найдется смельчак, согласившийся проделать такой путь.

Спустя пару часов водители фур снова сделали остановку. Расстелили на земле пакет, нарезали колбасы, вынули хлебные лепешки, термос с чаем и пригласили нас трапезничать. Мы достали огурцы с помидорами и добавили свои угощения к обеденному столу. Несмотря на снег и поднявшийся ветер, никто из нас не ушел в кабину прятаться от непогоды. Для мужчин она была привычной, а мы с Валерой, покрепче укутав Капу и прижав ее к себе для тепла, хрустели огурцами и рассматривали суровую и прекрасную природу. Как были величественны очертания гор и замысловата игра волшебных красок на их склонах! Снежная буря белым клубком проходила по долине и на время прятала от наших глаз грозную красоту. Но как только она меняла направление, взору открывалось большое бирюзовое озеро Каракуль. Жаль было проезжать этот участок на машине, и мы с Валерой договорились когда-нибудь сюда вернуться, чтобы восполнить пробел.

После обеда водителей стало клонить в сон, а впереди показался маленький населенный пункт Каракуль, где они остановили свои машины и закрылись в кабинах на полуденный сон.

Мы с Валерой пошли изучать местность. С дороги виднелось несколько зданий, обычные глинобитные строения в один этаж. На стене одного из них от руки и крупными буквами было написано краской “HOMESTAY”. Прежде мы не встречали таких вывесок и не до конца понимали, какие именно условия предлагаются. Оказалось, все просто – вполне популярный вид туристического размещения, аналог гестхауса, но с разницей в том, что ты живешь непосредственно с хозяевами. В их доме, в отдельной комнате или в специальной пристройке, где они принимают путешественников. Интернет говорит, что популярнее всего такой тип размещения в самых бедных и/или отдаленных частях Гималаев. Но здесь, на Памире, такие хомстеи были тоже на каждом шагу, стоило только добраться до очередного населенного пункта. Остановка на ночь нам пока не требовалась, но от полноценного обеда отказываться мы не стали.

Хозяйка дома быстро накрыла на стол, принесла какой-то густой суп и макароны, обжаренные с овощами. Я стала уточнять, из чего она приготовила этот суп и есть ли в нем мясо.

Женщина рассказала, что мясо в их краях – это роскошь. Почти все жители Каракуля ведут вынужденную постную диету. Наш обед был полностью вегетарианским.

Каракуль, который находится всего в пятидесяти двух километрах от границы с Киргизией, заселен таджикским народом, но почти все они не знают родного языка, говорят по-киргизски. Продукты в их поселок привозят из Оша и Гульчи (Киргизия), это ближайшие города, где можно закупиться. Но пока они проходят таможенные пункты, ценник становится заоблачным. А родная страна эту часть Памира обеспечить продовольствием не может. Если везти все из Душанбе, откуда идет основной поток товаров по стране, то к моменту, когда они сюда приедут, цена станет еще выше, чем на поставки из Киргизии.

– Но как же вы здесь выживаете, чем занимаетесь? – гремели мы ложками по тарелкам и допрашивали киргизскую таджичку.

– Скотоводство и туристы, – коротко ответила грустная женщина.

Она достала пульт и включила телевизор, каналы были тоже киргизские. Только адрес в паспорте таджикский.

Каракуль расположен на высоте 3900 метров н. у. м. в северной части Памира, на такой высоте земля неплодородная, здесь ничего не растет, кроме сорняков-колючек. Зато здешнее бессточное озеро с одноименным названием считается самым крупным в Таджикистане, но рыба в нем тоже не водится. Жители много раз делали попытки и запускали рыбу в озеро, но она там не приживается. Дно озера состоит из льда. Вода там очень холодная даже летом, а берег покрыт солью. Само озеро очень красивое и суровое, по предположениям ученых оно метеоритного происхождения. Больше в этом поселке ничего нет, даже электричества. У некоторых домов стоят дизель-генераторы, а на крышах лежат панели солнечных батарей. Сами киргизы про это место говорят так: «Представь себе самый бедный кишлак в Киргизии. Так вот, Каракуль еще беднее».

После того как мы расправились с едой, хозяйка дома назвала очень скромную сумму, которую мы должны были за обед, и сразу же спросила: «Или это слишком много?» Мы больше не стали ничего уточнять: и так уже было понятно, в какой крайней нищете живут эти люди. Мы точно на Марсе, а все они – инопланетяне, бухтела я себе под нос. Мы отдали больше, чем требовалось, и с грузом на душе отправились будить своих водителей.

Мужчины бодро подскочили, и мы снова отправились в дорогу. Вторую часть пути, как и первую, за редким исключением, ехали молча. Только время от времени, когда водитель отвлекался и наклонялся к себе в ноги, чтобы оттуда что-нибудь достать, Валера страховал его и брал брошенный руль. Водитель его об этом даже не просил, он просто отпускал руль и наклонялся, а Валера подхватывал баранку из-за его спины, чтобы мы не улетели в какую-нибудь пропасть. Сначала нас это озадачивало, но потом, после всего увиденного за сегодняшний день, реагировать мы перестали. Все здесь слишком просто и сложно одновременно – настолько, насколько человек из цивилизации даже не может себе представить.

Неспеша мы преодолели самую высокую точку Памирского тракта, перевал Ак-Байтал (Белая Кобыла – кирг.), его высота 4655 метров н. у. м., он же самый высокий автомобильный перевал бывшего СССР. Снежный, мрачный и опасный. На такой высоте многие люди с непривычки нехорошо себя чувствуют из-за разреженного воздуха, и вследствие кислородного голодания у них проявляются признаки горной болезни: мигрень, рвота, бессилие. Но мы акклиматизировались за счет постепенного набора высоты, еще когда вышли из Оша. И вчерашняя ночевка на киргизской границе, где высота была более 3500 метров, подготовила наши организмы заранее. Горняшке нас было не одолеть.

Почти на пике Ак-Байтала стояли разрушенные здания, и если бы не дети, которые при виде грузовиков высыпались из дверного проема, можно было подумать, что здания заброшенные. Изрядно прохудившаяся крыша, картон в некоторых рамах вместо стекол и отсутствие какой-либо жизни вокруг. А тут вдруг дети, с появлением которых мы присвистнули и закусили удила. Водитель подсказал, что здесь живет семья очередного дормастера, который следит за проходимость перевала. По Ак-Байталу круглый год снуют китайские грузовики, которые везут многотонный груз из китайского Кашгара до перевалочных баз в столицу ГБАО. Оттуда

товар перегружают на одиночные машины и везут в сторону Душанбе, а потом развозят и по всей Средней Азии.

Наконец, к шести вечера, изрядно вымотанные, мы добрались до Мургаба. Водители высадили нас у двухэтажной гостиницы с названием «Памир». Должно быть, самая мажорная, переглянулись мы с Валерой, очень уж ухоженный у нее вид, в отличие от остальных зданий. Но водители уверили, что это самый адекватный вариант и останавливаться лучше всего именно здесь. На прощание мы спросили, какую сумму должны за эту поездку. Водитель нашей фуры ответил, что всем нам было по пути, денег не взял и пожелал удачного путешествия. Мы обалдели и пошли размещаться.

Отель и правда оказался вполне доступным, но без отопления, а всех гостей селили исключительно на одном этаже, так теплее. Горячей воды и света в гостинице тоже не было, как и во всем городе. Нам выдали тяжелые одеяла, и мы легли спать. Проснувшись ночью от страшного холода, я надела куртку, походные ботинки и в таком виде легла досыпать дальше.

Дни двадцать второй – двадцать третий. Мургаб

Мургаб (3612 метров н. у. м.) – официально тоже поселок, но местные называют его городом. В Мургабе проживают около шести тысяч человек, большая часть из них этнические киргизы, потомки южных алайских кочевников, которые переселились в Горный Бадахшан в конце XVI века. Все они уже больше двух лет живут без электричества, еще совсем недавно от энергокризиса страдала вся республика. А в 2016 году прекратилась подача электроэнергии и в Мургаб и, как говорят местные жители, началась полярная ночь. Сначала было совсем тяжело, но потом по районам установили дизель-генераторы и свет стали давать по часам: три часа утром, четыре – вечером. Однако сразу предупредили, что отопительные приборы и электропечи использовать запрещается. Энергия только для подзарядки мобильных телефонов, освещения в режиме экономии и просмотра новостей по телевизору. С тех пор жители стали готовить еду в печах, которыми и согреваются, а в теплое время года – на кострах. Как манну небесную они ждут день, когда должны запустить гидроэлектростанцию «Оксу» (13 сентября 2018 года), которая обеспечит электричеством весь район.

Мы к такому повороту точно не были готовы: интернет, электричество – пф-ф-ф! – в Мургабе нет даже банкоматов, чтобы снять наличные деньги. Пришлось изрядно попотеть, чтобы сообразить, как решить этот вопрос. Ведь деньги у нас есть, но заплатить за отель или продукты картой здесь невозможно. *Здравствуй, другая реальность!* Вся надежда только на сервисы перевода денег: сделать со своей карты перевод на свою же фамилию и в окошке местного банка по системе «Вестерн Юнион» его обналичить. Но так как в городе нет постоянного электричества и интернета, с этим тоже могут быть проблемы.

Для начала пришлось пробиваться через безжизненный мобильный интернет, а потом надеяться, что у банка будет электричество и тоже какой-никакой интернет, чтобы выдать нам перевод. Таир, администратор отеля, заверил, что у банков имеются свои дизельные генераторы, благодаря им связь с большим натягом, но есть. А если вдруг и эта попытка не увенчается успехом, то нам дадут денег в долг столько, сколько нужно. От полученной информации мы впали в ступор.

Таир, заметив, что мы вопросительно замолчали, продолжил: год назад к нам приехали на велосипедах французы, тоже пустые, вообще без наличности, на картах средства есть, а расплатиться не могут. Жили и питались у нас несколько дней, потом еще в дорогу мы им дали 700 долларов. Они через месяц доехали до Душанбе и передали обратно деньги с таксистом. Кажется, я в этот момент услышала, как мое тело с грохотом упало на пол. Проверила – нет, уверенно стою на ногах, а вот чувствую себя неуверенно. Сплошные вопросы.

– Вы не боялись, что они могли не вернуть вам деньги?

– Ну как это? Все вернули!

– А что значит – передали вам деньги с таксистом?

– Каждый день из Душанбе в сторону Мургаба выезжают туристические джипы, и нам часто что-нибудь с ними передают из столицы. Это обычная практика. Быстрее и дешевле, чем отправлять почтой.

– А если таксист обманет, скажет, что ему не передавали денег, это же большая сумма?

– Ну, когда туристические машины едут по Памирскому тракту, по пути они обязательно останавливаются в Мургабе, и почти все – в нашей гостинице. Лучшие места тут нет, поэтому всех туристов везут только сюда. Человек, который нам что-то передает, сначала звонит мне, сообщает номер машины и время, когда она предположительно будет в Мургабе. Так и складывается передача. Тем более что все друг друга знают и обманывать здесь никто не станет.

После объяснений Таира и правда все как-то встало на свои места, люди приспособились, и для них это было обычным делом. А мы в обед отправились в банк, проторчали там сорок минут, интернет барахлил, но все получилось, наличные оказались у нас в руках.

Следующим нашим стратегическим шагом было посещение ОВИРа. Пермит, который мы получили в Оше, был выдан всего на один месяц. Две недели из которых уже прошли, а еще через две недели мы уже будем в глуши и продлевать разрешение будет негде. Остаться с просроченным документом на руках нам не хотелось. Тем более что за это грозит позорная депортация из страны, да еще и с большим штрафом. Мы явились в ОВИР и сразу же попали в кабинет начальника. Выслушав, он сказал, что продлить текущий пермит нельзя, для этого нет оснований, потому что он еще действителен. Но так как вы идете пешком и за две недели не успеете дойти до административного центра ГБАО, где можно сделать следующее продление, то я вам разрешаю идти без него. Дело в том, что в Таджикистане сейчас Год туризма, вас никто не станет из-за просроченного пермита обижать или задерживать. На это легко закроют глаза. Начальник ОВИРа продиктовал свой номер телефона и на прощание сказал: «Если возникнут вопросы, звоните, готов подтвердить, что за продлением вы приходили, но я не сделал и сам дал разрешение идти так». Мы в очередной раз прибалдели и с чувством заверченного дела отправились на базар. Подключили местные сим-карты, пополнили овощные запасы и с большим удовольствием узнали о том, что на базаре есть несколько магазинов одежды секонд-хенд.

Секонд-хенды занимают особое место в нашей жизни. В них за очень маленькие деньги довольно часто можно найти нулевые вещи отменного качества и кроя. Кроме своей доступности, секонды помогают с осознанным потреблением. Мы с Валерой закопались в теплых вещах, многие из них с бирками из магазинов, и мне повезло – я отхватила почти бесплатно новые лыжные штаны хорошего качества и крутейшей марки. Вместе с ними – нулевое худи, правда, на размер больше. Валера тоже взял для себя лыжные штаны, но слегка б/у, с его ростом и длиной ног особо не разгуляешься. Мы поинтересовались у продавца, как сюда попадают эти

вещи. Мужчина рассказал, что это гуманитарная помощь для Афганистана и Пакистана, откуда уже идут распродажи в Таджикистан. Вещи потеплее завозят в Мургаб, в основном это только мужская одежда. Женщины придерживаются национального стиля, мужчины же любят европейскую одежду.

После того как мы уладили необходимые дела, отправились отдыхать в номер. Но главное событие, ради которого мы приехали в этот город, произошло днем позже. На завтра мы поймали такси и поехали в соседний кишлак Коно-Курган покупать ишака. При въезде в кишлак водитель спросил у первого встречного мужчины, у кого в деревне самые хорошие ослы, нужен сильный и молодой самец. Мужчина, увидев в машине туристов, бросил лопату, подсел к нам и подсказал дорогу. Хозяина не оказалось дома, но родственники заверили, что он уже возвращается с пастбища, и спустя пятнадцать минут к нам подошел пожилой пастух по имени Муса.

Он отвел нас в небольшой загон с курами, распахнул калитку, и мы увидели вжавшегося в стенку ишака. Его кучерявая шкура была грязной и в колтунах, здесь не принято церемониться со скотом, за животными почти не ухаживают. Отношение к ним тоже грубое. Просто рабочая сила, и никаких сантиментов.

Грязная шкура нас не испугала, напротив, я мгновенно представила, как мы его отмоем и будем за ним ухаживать. Муса показал упрянца и седло, которое был готов отдать в придачу. Рассказал, как со всем этим управляться, куда и как нужно бить осла и какие гортанные звуки издавать, чтобы давать команду двигаться или остановиться. Мы узнали, что животное ничем специально кормить не требуется, главное – давать ему щипать травку и пить воду из водоемов или луж. Но здесь же нет растительности, о какой травке идет речь? Оказалось, что в высокогорных районах животные питаются сорняками-колючками. А если совсем ничего не будет, то один-два дня осел выдержит без еды и воды, но потом надо его покормить обязательно. Иначе он откажется работать.

Муса заверил нас, что ослы могут носить на себе 75 % груза от собственной массы тела, в редких случаях и до 125 %. Ослы крайне выносливы и могут работать по 8–10 часов в день. Бытует даже мнение, что ослиной выносливости втайне завидует любая лошадь. Такой осел будет проходить с вами по сорок километров каждый день. Нам, конечно, верилось в это с трудом, слишком был замызганный вид у этого ослика, но раньше мы их видели только на картинках да в кино. Какие они в настоящей жизни? Черт его знает! Возможно, все именно так и должно быть.

Чтобы испытать ишака в деле, мы попросили разрешения проехаться на нем верхом и сделали ошибку, что усадили меня, а не Валеру. Но об этом мы узнаем позже. А Муса с легкостью заверил нас, простачков, что его осел самый лучший в кишлаке, и он, утирая слезы, готов продать нам его за сто двадцать долларов.

Мы немного поторговались для приличия и сошлись на сумме в сто долларов. Ударили по рукам! Сделку назначили на следующее утро, в десять часов Муса пригоняет к нам ослика с седлом, и возле нашей гостиницы состоится передача.

Тем вечером, возвращаясь в отель, мы были по-детски счастливы, что у нас в команде появится новый друг, а поход продолжится. Перед сном мы гадали над кличкой. Валера предложил назвать ослика Сябр, на белорусском это значит «друг». Ну а что, Сяба – хороший вариант, поддержала я, и мы порешили.

День двадцать четвертый

Встали пораньше, не терпелось увидеть, как Муса приведет Сябу. Еще вчера, когда интересовались, как он будет доставлять его до отеля – все-таки одиннадцать километров, Муса сказал, что приедет прямо на нем. Так и было: мы увидели Мусу верхом на ишаке, они уже подходили к нашей гостинице. Работники отеля помогли отвести животное на задний двор, туда, где мы сможем привести его в порядок, вычесать и опробовать первую примерку с походными рюкзаками. Пока мужчины показывали, как крепить груз, я обратила внимание, что у Сябы трясется задняя нога и он время от времени ее подгибает. Осел, видимо, натер ее во время небольшого путешествия сюда, ответил Муса. Поразительно, как человек слеп и не замечает очевидного, когда чего-то очень хочет и уверен, что он уже у цели.

Видя, как мы вычесываем ослика и пытаемся с ним подружиться, администратор отеля Таир, сказал: «Повезло этому ослу, теперь никто не будет его бить». Мы молча повесили головы: невыносимо видеть, знать и спокойно спать, когда такое здесь происходит на каждом шагу, и это считается нормой. Но вмешиваться в это мы не имеем права. С непривычки мы долго возились и отправились в дорогу только в обед. Задачей на сегодня было просто научиться управлять этим животным, посмотреть, как оно себя проявляет, как реагирует на нашу Капу, уживутся ли они вместе, или будет агрессия.

День получился чересчур скомканным, очевидно, что всем нам потребуется время. Ослик шел очень медленно, пару раз его даже пришлось заставлять, в этом нам помогали жители села. Молодые парни кучей навалились на Сябу и пинками под зад толкали его вперед.

В этот момент мимо нас проходил начальник ОВИРа, он заинтересованно остановился на мгновение, пожелал нам отличного путешествия и отправился дальше по своим делам. Мы прогнали мальчишек, я уперлась ладонями в заднюю часть Сябы и, не пиная, просто продолжила его толкать вперед, чтобы поскорее покинуть пределы поселка.

При выходе из населенного пункта расположена застава, у каждого блокпоста проверяют документы, ставят отметки о прохождении. За нами в очереди подъехал мужчина, грубый и неприятный. Вышел и встал рядом, постоянно сплевывая сквозь зубы насвай. Задавал вопросы, все стандартно: откуда мы, куда и зачем. Но внезапно вдруг прошелся и по нашему ослику: плохой, старый, больной, можно было найти лучше. За сколько вам его продали? Я еле сдержалась, чтобы не отвесить мужику критики насчет его машины: так себе, мол, выбор, поцанная малолитражка, в которой коленями упираешься в уши, а макушкой бьешься о крышу. И что машины бывают и покомфортнее. Но не хотелось конфликтов, да еще и на глазах представителей власти. Но когда мужик протянул руку к Капе, которая висела в слинге у меня на плечах, я его одернула. Сказала, что собака кусается, не любит чужих. Руку он резко убрал. Пожилая такса в это время равнодушно смотрела на мужика и на все происходящее вокруг, она пригелась в переноске и по привычке там дремала. А я про себя сокрушалась: какой неприятный человек, с неприятным ртом, откуда сыпятся неприятные слова с неприятным смыслом, которые он неприятным образом и в неприятной манере говорит нам, чтобы нам стало неприятно. Мы отошли от блокпоста всего на несколько километров вперед и, пока солнце еще было высоко, решили вставать.

Пока раскладывали по земле вещи, впервые посмотрели на Сябу снизу вверх и обратили внимание, что Сяба никакой не самец, а самая настоящая самка. Характерных половых органов, подтверждающих самость, не было. Открытие было настолько внезапным, что мы долго смеялись и не могли прийти в себя, обсуждая, какие мы простаки-дилетанты. Сяба слушала наш гогот и крутила ушами, не понимая, что нас так развеселило и почему мы заглядываем к ней под хвост.

День двадцать пятый

Открыв в телефоне календарь, я узнала, что сегодня настало лето, он показывал первое июня. И это всегда маленькая радость, когда ты всю жизнь рос в Центральном регионе и ждал наступления тепла как праздника. Но на высокогорье лето совсем другое: здесь оно суровое, солнце злое и опасное, а долинные ветра пронизывающие. Несмотря на это, мои ноги сильно преют в эластичных бинтах, которые я продолжаю носить, фиксируя голеностоп для защиты. Но вместе с началом лета я решила все-таки отказаться от них, вернуть возможность своим ногам нормально дышать. Тем более что дни отдыха пошли мне на пользу и боли прекратились. А рюкзаки теперь несет Сяба.

Капа, несмотря на свой немолодой возраст, тоже полноценно расходилась, теперь довольно часто она передвигалась сама. В этот день старушка даже решила погеройствовать и сама забралась на перевал Джаман-Тал, преодолев подъем в 547 метров всего за 2,5 километра. Когда мы добрались до верхушки и присели отдохнуть, Капа совершенно справедливо решила, что заслужила лакомство, и с наслаждением принялась хрустеть высушим на солнце навозом. Я сначала было потянулась к ней – отогнать от кучи, но Валера, с умилением наблюдавший за этой картиной, вдруг прокомментировал: «Высокогорные, элитные, кушай, старушка, заслужила!» Пусть и правда наслаждается, подумала я, здесь все экологичное. Если будем голодать – и сами начнем на них посматривать. От последней мысли встряхнула себя, надеюсь, что до этого не дойдет. Мы подзаправились сухпайком, водой и отправились дальше в путь. Правда, после перевала у Капы прошло все геройство, теперь она еле шла. Пришлось усадить таксу в слинг, и старушка моментально провалилась в сон.

А вот Сябе дорога давалась непросто, особенно на подъемах становилось заметно, как у нее от напряжения трясутся ноги. Мне хотелось снять с нее свой рюкзак и нести его самостоятельно, а по возможности погрузить на свои плечи и Сябу тоже – настолько это было печальное зрелище. Обе сумки, закрепленные на ней, весили не больше тридцати килограммов, и геройства этого выючного животного, о котором рассказывал Муса, мы не наблюдали. В первые дни, когда мы еще шли без Сябы, нам удавалось перемещаться быстрее. Профита не получилось, только издеваемся над ослицей, думала я, глядя на измученную Сябу.

Когда дошли до родника, на стоянке увидели фуру, в ней ковырялся мужик. Узнав о наших планах, он стал нас уговаривать бросить осла, погрузить вещи в его кабину и вместе отправиться в путь. Через три дня уже будете в Душанбе, быстро и без мучений – соблазнял водитель, озвучивая это как преимущество: «Не отказывайтесь, у меня в кабине полно китайского коньяка, погудим!» Мы молчали. *Знает, черт, чем подкупать.* А мужик все не унимался: «Осла вам нужно продать китайцам, они за него дадут 900 долларов, а здесь он ничего не стоит, долларов 50, не больше. Старый у вас осел и выглядит больным, бросайте его, поехали!» Не-е-е, мужик, нам посмотреть Памир не спеша хочется, пожить с вашим народом, в Душанбе сейчас жара +50 °С, а здесь, в горах, прохладно. «Ладно, не уходите, сейчас принесу вам чего-нибудь в дорогу», – мужик вернулся с пакетом засохшего хлеба и леденцами. То, что надо, поблагодарили мы и помахали руками, когда он проезжал мимо нас.

Сидя вечером у костра, Валера вдруг заулыбался и выхватил из моих рук телефон: давай покажу, как ты выглядишь, и сделал фото. Так я узнала, что солнце обожгло мою кожу, на которую я долгое время не обращала внимания. Руки и лицо цвета заката, который был за нашими спинами в этот вечер. Почти что романтика, когда еще не знаешь о предстоящих последствиях такого ожога.

День двадцать шестой

Встали в 7 утра, собрали колючек, разожгли костер и заварили чай. Он на них получается с необыкновенным привкусом, а у нас с собой еще халва – настоящее наслаждение, которое сложно передать словами. Позже на завтрак был отварной картофель и белая спаржа, тушенная в овощах.

Дорога – сплошные подъемы и спуски, после очередного снижения натолкнулись на горную речушку, я не полезла, а Валера зашел по колено, прихватив с собой флакон шампуня.

– Кошка, иди освежись, водица волшебная! – крикнул он, намыливая голову.

Мне нравится, когда он зовет меня Кошкой, но Собакой бы нравилось больше. Жаль, что «Собака» не так созвучно по отношению к любимому человеку.

– Ну уж нет! – крикнула я в ответ. – Это у тебя из одежды футболка да шорты, а я сегодня полностью обмоталась, одни глаза торчат. Даже руки в бинтах.

Если я соглашусь и последую его примеру, мы рискуем застрять здесь на полдня. Мы дошли до поселка Карасу и рассчитывали там найти хотя бы очень скромный магазин. Потому что всегда держим на контроле запасы провизии, особенно овощей, без которых мне сложно. Но Карасу на первый взгляд казался брошенным: кучка разрушенных глинобитных домиков, а вокруг только бесплодная земля и зубчатая гряда гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.